

Первое интервью

Борислав Чекур

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борислав Чекур

Первое интервью

<https://litres.ru/74414519>

SelfPub; 2026

Аннотация

В центре повествования — блогер, который пожертвовал всем ради своего медиапроекта. Это история про дружбу и конфликты, любовь и ненависть в борьбе за вхождение в общество известных людей. События иллюстрирует творческий Петербург с 2015 по 2021 год. В книге описываются реальные характеры некоторых знаменитостей и их образ жизни за кадром. Это не просто книга, а скорее эмоциональное откровение с примесью иронии.

Главные герои: киноактёр Георгий Пицхелаури (Чингачгук), театральный администратор Александр Дундуков, Станислав Максимов — актёр театра и кино.

Содержание

Глава	4
Предисловие автора.	4
На грани интервью (предисловие)	5
Дирекция музыкального аттракциона	12
Творческий вечер Дундукова А. в театре «Буфф»	34
Скажи лучше ей: «Дорогая, не плачь!»	61
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Первое интервью

Глава

Предисловие автора.

«Когда чувствуешь восторг от приближения к цели, вдруг ощущаешь, что ещё недостаточно хорош. Цепляясь за поддержку мастеров, не замечаешь, что они испытывают к себе то же самое».

На грани интервью (предисловие)

Очень долго и с большими усилиями пришлось уговаривать киноактёра Георгия Пицхелаури приступить к съёмкам серии программ, в которых бы он рассказал о работе в кино. Как только Георгий не изворачивался, чтобы оттянуть время! То мы пытались организовать студию в его квартире, то найти нужный кадр на улице. Такой характер: если о чём-то с ним договоришься, потом испытываешь неловкость от ощущения, что заставил.

Однажды, прервав нашу творческую болтовню, он позволил своему учителю каскадёрской школы. Это был настолько эмоциональный разговор, что Пицхелаури неожиданно вытащил меня на лестничную клетку и попросил отснять, как он кубарем скатится с лестницы. В шестьдесят-то лет! Обошлось без травм, как и подобает профессионалу. Так спонтанно появился видеоматериал, похожий на предисловие.

Учитель был тронут и похвалил ученика за трюк. На фоне всеобщего восторга ситуация требовала продолжения. По иронии, Георгий предложил мастеру интервью и потом искал причины этого не делать. В конце концов, устав от назойливых напоминаний, он делегировал роль ведущего мне.

Около полугода ушло на монтаж видеосюжета с основателем каскадёрской школы советского кинематографа Николаем Николаевичем Ващилиным. С самого начала с ним всё

закрутилось вопреки законам жанра. Сперва было интервью, и только после — уже глубокое погружение в биографию. Так получилось из-за того, что ранее мы уже успели познакомиться, и показалось, для сюжета будет достаточно всего, что он о себе наговорил. Уже после просмотра видео Ващилин растрогался и отправил мне в электронном виде свою биографическую книгу. Со мной случилась истерика.

Мы все — невольные наблюдатели жизни медийных людей. Бывает так, что в СМИ о ком-то очень много гудят, а интересного мало. Невидимый «Ник-Ник» оказался непредсказуемым и необъятным. С такими обычно создаются циклы программ: слишком широкая судьба. Когда до меня это дошло, буквально сразу же ему перезвонил.

— Николай Николаевич, прочитал книгу, которую вы мне прислали. Впечатлён вашей биографией, особенно тем, как вы чуть не вывезли «Девятый вал» Айвазовского из страны, потом, одумавшись, отдали картину музею. Смешно. Может, попробуем перенести воспоминания со страниц в серию авторских программ?

— Ничего смешного, — посмеялся он, — а ты знаешь, в раннем советском периоде держатели предметов роскоши изобретательно прятали их от налоговых инспекторов? Скручивали оригинальные холсты и подписывали «копия». Потом получилась неразбериха — она не обошла стороной и картины Айвазовского. На съёмки у меня уже нет сил.

— У чемпиона нет сил?

— А ты льстец!

— Обзывайте меня как угодно, но давайте всё-таки по-пробуем?

— Дал бы я тебе подзатыльник попробовать, — посмеялся он, — да с той силой, как раньше, уже не могу...

Столько времени провозился с его фотоархивом, который нужно было наложить на аудиозапись, а самое интересное упустил. Успокаивало лишь то, что материал в любом случае получился уникальным. Его откровение раскрывало взаимосвязь киноискусства с острыми подводными камнями в индустрии и не только. На первый взгляд — ничего особенного, но, расплетая цепочку имён и событий, несложно догадаться, что в общих чертах говорилось о большем.

Это был телефонный разговор, и запись пришлось чистить от посторонних шумов. Сквозь кашель вырывалась ненависть к той разнузданности, с которой он столкнулся в мире «больших людей». Не победив и не проиграв, Ващилин просто отказался от многого, перед чем мало кто смог бы устоять. Он сделал ставку на собственную правду. Да и с его характером, как выяснилось в процессе нашего дальнейшего общения, другого и не следовало ожидать.

Он был болен, говорил с надрывом и поэтому торопился. Запись длилась около часа, до тех пор, пока каскадёр окончательно не охрип. В тот день обнажилось кое-что из вереницы бесчисленных противоречий:

— Все, надрываясь, строили коммунизм! И известный по-

эт Иосиф Бродский даже в тюрьму попал, потому что полгода нигде не работал. Был актёрский отдел, куда собирали пенсионеров, которые хотели бы подработать. Три рубля платили за съёмки в массовке. Поэтому иногда, когда нужны были штыковые бои, военные фильмы или фильмы с каким-то спортивным уклоном, нужны были молодые люди, а их было негде взять. Для специальных таких картин, как, например, «Блокада», обком партии выпускал приказ по спортивным обществам, чтобы собирали спортсменов и приводили на съёмки.

И вот, с точки зрения опасности, когда начиналось кино в 1920-е годы, то вообще набирали людей — их называли «мальчики для битья». Набирали простых людей, которых было не жалко. Но я тебе по секрету скажу, что и у нас так относились до последнего времени. А сейчас, наверное, и больше. Актёру говорят: «Да бей его, он же каскадёр!». Раз ты каскадёр и получаешь двести рублей, так ты уж потерпи. И многие так и гибли. Пожалуйста, я приведу тебе пример: актёр Евгений Урбанский, который погиб так по дурости. И, кстати, к этой гибели причастны (Де Жуссак в «Трёх мушкетёрах») Владимир Балон — был бригадиром спортивной массовки — и его друг Слава Иванов — «Циркач» (тогда), «Япончик» (потом) — его стали называть. И сначала у Урбанского украли весь гонорар — восемьсот рублей, — и потом он остался сниматься на один день, чтобы хоть на билеты заработать. А его посадили в открытую машину. Снача-

ла прыгнули под бархан — показалось мало, — подложили доски, попробовали: как же он тогда выше подлетит? А он подлетел очень высоко и перевернулся...

От Николая Николаевича отвернулись многие, в том числе и некоторые его ученики. Судя по всему, кое-кому он перешёл дорогу, не боясь говорить правду, даже если в некоторых случаях сильно рисковал. Хотя чего было бояться после того, как он, будучи юношей, показал величайшему кинорежиссёру Георгию Козинцеву на съёмках «Гамлета», как можно одним движением устранить противника чёрным плащом.

Ващилин работал практически со всеми выдающимися кинорежиссёрами и актёрами ушедшей эпохи — не только в СССР, но и за рубежом. Дружил с легендой мирового кино Жан-Полем Бельмондо, с каскадёром Реми Жюльеном, постановщиком трюков в картинах «Фантомас», «Такси 1, 2», «Код да Винчи» и другими. Он был тренером по дзюдо и самбо у самых известных и высокопоставленных людей в стране.

Ващилин состоял в Союзе кинематографистов, занимал высокую должность в кинокомпании «Тритэ» Никиты Сергеевича Михалкова. Отметился он и в качестве внештатного сотрудника КГБ. Рассказывал, как по заданию водил на экскурсию в «Эрмитаж» Дональда Трампа с супругой — ну, конечно, когда тот ещё и не прицеливался на президентство. Но главное — Николай Николаевич участвовал в создании

эпохальных кинокартин: «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», «Они сражались за Родину», «Калина красная», «Д'Артаньян и три мушкетёра» и многих других.

Ващилин обрисовал кинематограф с изнанки совершенно витиевато. Впрочем, разговоры были не только о кино.

— Это же я тогда предложил губернатору Владимиру Яковлеву идею с «Алыми парусами», — возмущался Николай Николаевич, — но моё имя просто вычеркнули из праздника...

После интервью мы регулярно созванивались и подолгу болтали. В его историях накопилось много иронии, горечи, и всякий раз мне было непонятно, как на всё это реагировать. Он презирал подлость близкого друга Никиты Михалкова, описывая моменты, как тот его много раз подставлял. Ващилина разрывало на части от любого упоминания про жену по причине того, что всё заработанное им за долгие годы в кино вместе с антикварными апартаментами с видом на Петропавловку превратилось в обычную квартиру на Гражданке. Касаемо Никиты Сергеевича мне было сложно поддерживать разговор — приходилось больше слушать, а в вопросах женской подлости и мне выпал жребий стать экспертом. Кроме того, на тот момент меня окружало достаточно известных людей, чьи жёны «прославились», закидывая помидорами мужей, — видимо, это оттого, что были пустым местом на их фоне. После наших дискуссий отпало всякое желание брать интервью. Пришлось признать, что по содер-

жанию и откровенности прежние погружения были значительно проще. Да и не хотелось ничего усложнять.

По инерции ещё попросил у Николая Николаевича номер телефона и созвонился с легендарным Василием Борисовичем Ливановым, получившим всенародную известность, сыграв Шерлока Холмса в экранизации романов Артура Конан Дойла. Только было хотел пригласить его на разговор для нашего с Пицхелаури проекта, как тут же обрубил. Передумал и вежливо откланялся. Ващилин за это крепко отругал. Впервые вселилась неуверенность — назовём это так: а действительно ли всё это надо?

С Николаем Николаевичем мы ещё несколько лет поддерживали связь. Летом 2023 года он перестал отвечать. Так сложилось, что мы с Пицхелаури в вихре споров и сомнений сделали его последнее интервью. После на всём этом деле была поставлена жирная точка, чтобы начать с новой литературной строки...

Дирекция музыкального аттракциона

Весной 2015 года седалищный нерв моей предпринимательской активности прочувствовал всю ударную мощь рыночной гравитации. Вполне себе стабильный заработок на мастичных тортах увяз во взбитом импортозамещением сливочном креме. Наши неунывающие ритейлеры под шумок взвинтили цены на отечественные продукты ровно настолько, чтобы покупатели начали экономить на праздниках. И хоть какие-то заказы ещё поступали, всё равно был вынужден изобретать отходные манёвры.

Честно говоря, давно хотелось плюнуть на это дело. Вся эта шарادا с тортами возникла спонтанно и совершенно не входила в мои планы. Зачинщицей была жена. Она неожиданно проявила инициативу в момент, когда время от времени мне удавалось понемногу зарабатывать на организации свадеб. С каждым новым мероприятием приходилось расширять связи с подрядчиками, поскольку развлекательный рынок держался на взаиморекомендациях. Клиенты часто спрашивали про украшенный фигурками торт, и вот тут жена, никогда глубоко не интересовавшаяся моими делами, моментально нашла кондитера, которой предложила свои агентские услуги. В этом не могло быть ничего предосуди-

тельного, если бы их сотрудничество не стало моей головной болью.

О том, что жене на старте удавалось неплохо зарабатывать, выяснилось после регулярных угроз от заказчиков. Кондитер, видимо, из жадности принимала заявки сверх производственных возможностей и в результате не успевала замораживать обтяжку бисквитов перед доставкой. Через раз клиенты получали перекосившиеся мякиши вместо стройных многоярусных тортов, ну а деньги им никто не спешил возвращать. Дальше было круче. В соцсетях жена позиционировала себя как производителя, и, соответственно, клиенты, оставшиеся без праздничного торта, требовали лично с неё возврата денежных средств. Отдавать было не с чего, поскольку часть денег уходила на ингредиенты, а небольшая комиссия с авансов у жены долго не задерживалась. Чтобы предприимчивую красавицу не пришибли за углом, мне нужно было украдкой срываться со своей работы, благо что разъездного характера, и мчаться на разборки каждый раз, рискуя быть побитым в подсобках галдящих торжеств. Это были наитупейшие поиски компромиссов с взбесившимися и часто нетрезвыми клиентами в духе предложений подать разрезанный торт (типа никто из гостей не заметит подвоха) и тому подобное. Как мне удавалось договариваться на компенсации в виде прогрессивной скидки без травматических последствий, не понимаю.

Чтобы избежать множества возможных негативных сце-

нариев в дальнейшем, пришлось взять на себя доставку. Количество прецедентов ощутимо уменьшилось, а вскоре, овладев необходимыми навыками, мы сами научились делать красивые торты и, распрощавшись с кондитером, самостоятельно неплохо справлялись. Возможно, нас и не придушил бы кризис, если бы жена не была транжирой и гулякой. Чем больше мы зарабатывали, тем дальше уходили от перспективы накоплений.

Относительно собственных амбиций: они болезненно упёрлись в свадебный бизнес. Затуманила разум идея создать автоматизированную платформу с мобильным приложением, которая бы выдавала клиентам информацию о подрядчиках с открытой датой. Задумка требовала денег. Приходилось всё время искать единомышленников, готовых содействовать в достижении этой цели. Один был плюс — отсутствие финансовых ресурсов оттачивало навык убеждать людей в своей правоте.

Не действовало это только на бывшую жену. Чего греха таить, в мире среднестатистических приматов, какими были и мы, функция женщины теоретически шаблонна: очаровать, родить, накалить ситуацию до развода и пожаловаться на мужа судебным приставам, обходя любые возможности договориться. Та отказывалась от денег, если они не проходили через бухгалтерию. А поскольку бухгалтером была следующая по очереди жена, у меня бескомпромиссно росли долги. Типичная история для сценария скандальных шоу на

федеральных телеканалах.

В тот момент, когда на фоне множества стрессов и финансовых потерь мы с женой перешли на уровень суперигры в симуляцию хороших отношений, произошло весьма неожиданное, волнующее событие, поставившее под удар наше притворство. Мне пришло сообщение от одного из главных героев моей отчаянной юности. Предложение встретиться с ним выглядело в духе повествования о флибустьерах, которым удалось выжить после шторма: обломки судна каждого вынесли на разные материки, и теперь герои хотели узнать о пропавших сокровищах...

Спустя пятнадцать лет мы впервые увиделись с Михалычем. В юности этот человек привил мне глубокий интерес к драматургии. Михалыч был вхож везде, где знали, что он театральный амбассадор, главный администратор, кормилец и решала. С ним невольно приходилось становиться участником всевозможных страстей в анклав закусных. Там, как правило, собиралась разношёрстная публика, в том числе и герои лихих девяностых, что усиливало эффект абсурда. В облаке густого табачного дыма царил праздник. Он часто заканчивался тяжёлым похмельем, однако всё списывалось на издержки. Для неокрепшего сознания на рубеже совершеннолетия вечеринки в театральной тусовке были самым увлекательным времяпрепровождением. Чтобы не потерять эту связь, за неимением должного образования по этой части (признаюсь, был ленив), по знакомству устроился монтиров-

щиком в консерваторию. С этого момента нить оборвалась: Гектор Берлиоз возвестил о мобилизации «Троянцев», а Михалыч вляпался в мутную историю с театральной кассой. Ходили слухи, что он соблазнился на несколько тысяч долларов кассового сбора, а потом, скрываясь от преследования, переехал из одного, в буквальном смысле, в другой дурдом. После этого и вовсе без вести пропал. Для меня на тот момент побледнели краски «Мулен Ружа»: исчезновение Михалыча стало болезненным ударом.

Теперь, на фоне множества накопившихся стрессов, эффект ожидания от нашей встречи был огромным. Он тянулся ещё с момента, когда для меня открылись двери жилплощади в некогда доходном доме Блохиной после переезда к отцу. Это было место с уникальной историей и поколениями. Здесь в 1905 году останавливался Ленин. В соседнем доме по нашей улице когда-то жил писатель Гаршин, через дорогу некоторое время квартировался актёр Андрей Иванович Краско, а рядом проживал его приятель Александр Михайлович Дундуков — театральный деятель и друг моего отца.

В те далёкие годы он частенько гостил у нас, и с детства мне запомнился тем, что всегда хвастался своими богемными знакомствами. Отца это порой раздражало, а мне его истории казались чересчур увлекательными. Нужно сказать, что Михалыч (в то время — дядя Саша) однозначно получил критическую дозу облучения от афиш и общения с артистами, поскольку ни о чём другом, кроме как о ленинградском

роке и театре, он не мог так воодушевлённо рассказывать без остановки. Культивационный фон зашкаливал настолько, что после общения с ним среднестатистическим собеседникам требовалась длительная психотерапевтическая реабилитация.

С Михалычем мы сдружились в конце девяностых, и началось всё с контрамарок. Тогда, после дефолта 1998 года, цены взлетели настолько, что театр могли себе позволить лишь обеспеченные люди. Он работал главным администратором в «Буффе» и пользовался служебным положением на всю катушку, поэтому для него не составляло труда найти несколько свободных мест в зрительном зале. Мне же надо было выгуливать своих вертихвосток: подруг было много, и в театр уже приходилось ходить как на работу. Билетёры настолько ко мне привыкли, что не задавали лишних вопросов, и со временем уже не требовалось присутствие Михалыча, чтобы оказаться в зрительном зале. Так и не заметил, как втянулся.

Благодаря Михалычу меня занесло в театр, но главное — другое. Он вовремя разбавил мой юношеский максимализм общением с довольно необычными и экстраординарными людьми. Тот период жизни ностальгично запомнился вечерним небом над Невой, налитым сине-кобальтовыми тонами, акварельной желтизной фонарей, тусклым светом в окнах многоэтажек и густой лоснящейся листвой лохматых тополей в попутных рифмах трогательной беспечности.

В городе — бывшем Ленинграде,

Вдоль по профилям тенистых дворов

Я участвую в пляске-параде: дураков, балагуров, шутов.

Рюмка «Клюквенной» после «Текиллы» —

«До свиданья!» Мозги — голове.

Разбегаются волны мобилы, и плывут корабли по Неве...

На одноимённой улице, где жил поэт Маяковский, обычно довольно тихо. Тут мы и решили немного постоять, оставив за спиной шумный Невский проспект. Первые минуты мы оглядывались, не понимая, с чего начать разговор.

— Вообще, я хотел бы увидаться с твоим отцом, но не нашёл его телефона и в соцсетях тоже, — заговорил Михалыч.

— Я тебе уже писал, что он не жаждет встречи с тобой.

— Это почему?

— Тебе виднее, только, сдаётся мне, мы оба знаем, какая кошка между вами пробежала.

— Поверь, кошек было много, — посмеялся он.

— Пока ты отсутствовал, их существенно прибавилось. Он у меня как постельный клоп.

— Понятно. А ты?

— Его головная боль.

— А чем он сейчас занимается?

— Коллекционирует жён и судится со мной за жилплощадь.

— Почему так?

— Коллекция требует экспозиционного пространства. Правда, когда его избранницы осознают, что в центре Петер-

бурга им ничего не обломится, ему приходится искать новую жену, и так по кругу.

— А я тебе рассказывал, как привёл твоего папеньку на концерт «Алисы»?

— Не помню.

— Кинчев запретил зрителям фотографировать себя во время концерта. Потом спел одну песню, обратился к залу: «Я чувствую, что меня кто-то снимает». В ответ ему крикнули: «Кому ты нафиг нужен? Пой, давай!». Он тогда обалдел. Представляешь, такие были времена...

Обычно люди с годами взрослеют и становятся чопорными, а Михалыч по-прежнему излучал всё то, что вобрала его бурная молодость из неформальной ленинградской культуры. И действительно, он очень выигрышно смотрелся на фоне своих сверстников: казалось, у него практически отсутствовала дистанция с молодёжью.

— Чем занимаешься? — без интереса спросил он меня.

— Тортики на заказ делаю. Сейчас покажу, — ответил ему и пролистал на смартфоне несколько фотографий. — У меня, кстати, по этому поводу есть к тебе разговор, но чуть позже.

— Понятно. Почему-то был уверен, что ты работаешь в театре. А я вот жильё получаю. Так что с тебя торт.

— Давай лучше куплю.

— А что так?

— Я даже за деньги их делать не хочу. А с новосельем я

тебя поздравляю: это действительно событие.

— Так вы с папенькой так не общаетесь?

— Ну почему же, собачимся время от времени.

— Что-то всё это в голове у меня не укладывается.

— Забей.

— А хочешь, я расскажу, как водил его на концерт «На-утилуca»?

— Эту историю я помню. Ну что, так и будем папеньку мусолить? Он не молод, ему икать вредно. У тебя вообще какие планы?

— Сегодня «Ночь музеев». Ты был когда-нибудь ночью в музее?

— Только в театре.

— Если хочешь, можешь составить мне компанию.

— С удовольствием, но жена обрадуется, если меня ночью не будет: ей очередной повод махнуть хвостом. Да и сам подумай: ночной музей окажется в рейтингах самой нелепой отговорки.

— Это мы проходили. После спектакля пивка с актёрами наберём: сперва у ларька постоим, потом у кого-нибудь зависнем, а дома уже собраны чемоданы, — смеялся он.

— Ты, конечно же, оправдывался, что мосты развели?

— Нет, говорил, что остался с любовницей.

— Да ладно, Михалыч, всё это при мне происходило. Ты забыл?

— А как с Домушу до утра в «Зеркалке» театральные бай-

ки травили, а? Ольга, кстати, пела в группе «Джонатан Ливингстон».

— Не помню такую группу.

— В своё время их слушали. Из известных музыкантов в коллективе играл Александр Ляпин из «Аквариума».

— Хорошая была актриса. В тот день я, конечно, крепко перебрал. Мы так уютно развалились в креслах за круглым столом, и она как-то по-матерински терпела мою неуклюжесть.

— Стоп! — восторженно воскликнул Михалыч. — Почему была?

— Её попросили из театра, и она наложила на себя руки, насколько помню, как-то так.

Михалыч опустил голову и замолчал.

— Михалыч, а помнишь, как утром на следующий день мы отжали два арбуза у торговца, чтобы рассчитаться с таксистом?

— Прямо и отжали. Культурно экспроприировали, — поправил он.

— Да-да. Он был по-своему в восторге от культуры.

— Что делать? Мы с тобой откуда вышли?

— Из театра.

— Из храма искусства, бестолочь! Следовательно, и вели себя по-храмски.

— Это было действительно смешно. Ты в кашемировом пальто, с толстой кожаной сумкой наперевес, весь такой импозантный, на площади у метро, с «Балтикой № 9» в трясу-

щихся руках и арбузом. Прохожий к нам подошёл и похвалил за выбор крепкого пива. Помнишь, как ты его прогнал, обозвав алкоголиком?

— Нет, не помню.

— Смешней было, когда, отдав арбуз, мы потребовали с таксиста сдачи.

По части абсурда с уверенностью можно сказать, что Михалычу едва ли возможно было бы подобрать равного. Каждая наша встреча по итогам всегда становилась сюрреалистическим событием. Но удивляло то, как он выходил победителем из совершенно тупиковых ситуаций.

Однажды на гастролях с театром Михаила Боярского «Бенефис» Михалыч перебрал в незнакомой компании, и у него украли сумку с билетами. Очнувшись в отделе милиции, он устроил скандал, угрожая своими связями и положением. Администратора культового актёра не стали держать — отпустили. Не то чтобы тихо уйти, он с собой ещё прихватил сокамерника, настояв на том, что это его личный водитель. «Водитель» оказался местечковым авторитетом, и уже через час у Михалыча в руках оказалась пропавшая сумка с билетами. По обыкновению, в труппе он вёл себя степенно и безмятежно.

Изначально мне показалось, что наша встреча будет недолгой: Михалыч спешил на выставку «Митьков» — знаменитых петербургских художников.

— Пойдём-ка, тебя с Дмитрием Шагиным познакомлю,

— предложил он.

— Я на него впервые обратил внимание в девяносто седьмом году. Правда, в то время так и не понял, кто он — музыкант или художник, зато мне понравился своеобразный подход к культивации тельняшки.

— Ну да. А почему?

— Мы же портовые ребята, нам тельняшка ближе к телу. Её и хиппи, и панки раньше с удовольствием носили.

— А ты читал его книги?

— Нет, конечно.

— А про Пушкинскую-10 слышал?

— Нет.

— Да ты что? Там же такая война была на «Пушке». Аварийное здание стояло под снос, а в нём поселилась творческая коммуна так называемого непризнанного искусства. Это начало девяностых. Художники и рок-музыканты отбивали сквот у мэрии. В этой истории не обошлось и без бандитов, которые покушались на картины. Есть что вспомнить. Общество нормальное там было. Топили буржуйки: придёшь, посидишь с народом — всегда без проблем, вином угостят. Флориан топил сало на печке и говорил, что это последний писк французской моды. Ну ты даёшь!

— Я же там с народом не сидел, откуда мне знать про сало?

В тот день было запланировано много важных дел, но я решил всё же взять в долг у себя несколько часов и соста-

вил Михалычу компанию. На каждом углу пестрила реклама «Ночи музеев», в культурных локациях всё было предельно оживлённо. Писатель Лев Лурье отлично подметил: «Санкт-Петербург изначально был не столько местом обитания горожан, сколько художественным жестом, политическим заявлением, авангардным артефактом».

Минуя парадные улицы, мы проталкивались сквозь галдящий поток посетителей арт-пространства. Знакомство с Шагиным было коротким.

— Привет, братки!

Гости легендарного художественного общества трезвости допивали виски. Все лица были знакомы. Худощавый полуазият, толкнув Михалыча под локоть, поторопил его на выход. Прижимаясь к стене во встречном потоке людей, мы спустились во двор.

— Жаль, не успел я поздороваться с Кирой Миллером, — пожаловался ему Михалыч.

— Он устал тебя ждать, — съязвил незнакомец.

Этот странный тип стоял вполоборота, при этом искося держал меня на прицеле. Его тяжёлый взгляд показался недоброжелательным, и это несколько смущало. Однако дело привычное. В творческих кругах всегда находятся коты, которые без повода выгибают спину, чтобы продемонстрировать свою готовность к внезапной атаке.

— А я рассказывал, как с Демьяненко пил пиво? — решил оживить разговор Михалыч. — Александр Сергеевич очень

бесился, когда я напоминал ему про роль Шурика в «Операции „Ы“». Он мне тактично ответил, что ему больше нравится разговор о том, как от меня в театре пахнет коньяком.

— Скажи лучше, с кем ты не пил?

— С Фиделем Кастро!

— Кубинскому революционеру повезло, — с прищуром улыбнулся он и тотчас обратился ко мне: — Где-то я вас видел?

В этот момент нужно было принять решение, как с ним себя вести. Зависла ещё одна пауза. Лет десять назад к нам в «Буфф» приходил внешне похожий монтировщик из другого театра. Почему-то показалось, что это он. Только было хотел ляпнуть, что мы знакомы, Михалыч перебил:

— Кстати, видел тебя с Безруковым в кино, — приподняв густые брови, улыбнулся Михалыч.

— Меня с ним или его со мной?

— Это вы между собой решайте.

— «Поцелуй бабочки» называется, — фыркнул Георгий и предложил нам прогуляться, обсудить какое-то важное дело.

Показавшийся мне очень странным человеком оказался киноактёр Георгий Пицхелаури, тот самый легендарный «Чингачгук» из фильма Андрея Ростоцкого «Зверобой», артист первого состава «Буффа». Это был провал: как можно было не вспомнить, что в разные времена мы работали в одном театре?

Очертив петлю через Невский проспект, мы пришли в бар

на Пушкинской улице. Там кучковались музыканты из популярных в восьмидесятые годы рок-групп.

— Хау! — воскликнул Георгий. — Знакомьтесь: это моя администрация!

Вообще, он имел в виду Михалыча, но музыканты восприняли буквально.

— Есть реальная тема на пять миллионов! — с особой конспираторской интонацией к нам подкатил экс-барабанщик группы «Август». Он поведал об одном удивительном месте, где можно прямо на лугу поставить сцену и собрать недалеко от леса неплохой кассовый сбор. В воображении тотчас запели Ролан Быков и Елена Санаева:

Не горы, не овраги и не лес,
Не океан без дна и берегов,
А поле, поле, поле, поле Чудес...

В таком необузданном натиске доверия жестоко было бы обличать свою непричастность. Михалыч предложил обсудить это в другой день.

— Пойдёмте в студию! — крикнул Георгий Пицхелаури. — Там всё обсудим.

— Михалыч, не понимаю, что происходит? Наверное, мне уже пора уходить.

— Пойдём! Кажется, что-то интересное намечается, — возразил он, деловито кивнув.

Мы вышли на улицу. Михалыч, перемешивая в кучу свои впечатления о рок-группах и личных знакомствах, развлекал

музыкантов.

— Артур Ваха собрал хорошую команду. Может, слышали «Стая ПОЛЕТЕЛИ»?

— У них в группе вроде бы Родион Чикунов?

— Да, он раньше с «Чижом», с «Текилла Джаз», «Кирпичами» играл. Антон Матезиус из «Биллис Бэнд» тоже с ними.

— Да-да, слышали.

— Однажды я вместо Артура на гастролях в Смоленске играл, — хвастался Михалыч, — Ваха повредил ногу, и ему наложили гипс. Нам уже выплатили стопроцентную предоплату, и по договору за любой срыв пришлось бы компенсировать чуть ли не всю сумму. Оставалось два спектакля. Мне, как администратору, директор говорит: «Выкручивайся, как хочешь!» И вот, значит, пришлось с утра учить объёмный текст. А вечером за кулисами я волновался и переспрашивал: после какой реплики мне выходить на сцену? Лена Капица успокоила, говорит: «Когда услышишь: „Едрить твою мать, где Дундуков?“».

— И как отыграл?

— Слушай, честно говоря, все, как могли, подсказывали текст. А вот актёры решили постебаться. По пьесе я играл знаменитого гонщика, и вот на реплике: «Я тот самый. Как, вы не читали газет?» — они (по картине — муж и жена) между собой шепчутся: «Какой он, нафиг, гонщик? Это же еврейский фокусник!». Кстати, после спектакля я ещё за Ваху

автографы раздавал, а главную роль исполнял Демьяненко...

Георгий жестом предложил мне их опередить.

— Понимаете, музыканты много говорят, даже больше, чем ведущие на радио. Вы не обращайтесь внимания. Скажите, как давно вы знаете Михалыча?

— Всю свою жизнь.

Георгий одобрительно кивнул головой.

— Сейчас мысль придёт — скажу.

Около десяти минут мы молча шли до репетиционной точки. Дойдя до крыльца, Пицхелаури остановился, услышав рингтон моего телефона.

— Вы сильно торопитесь?

— Нет, — соврал я, отменяя вызов жены.

Она обладала талантом что-нибудь не вовремя ляпнуть, и громкий динамик оставлял за собой неловкую паузу.

— Ответьте.

— Потом перезвоню.

Оказавшись в студии, он сел на табурет в самом тёмном углу и неторопливо прикурил сигарету. Музыканты о чём-то спорили и не придали нашему появлению ни малейшего значения. Георгий по-прежнему молчал и ни на кого не обращал внимания. В глубине коридора слышался голос Михалыча, и стало немного уютнее.

— Гоша, — смеялся он, — у нас с твоими приятелями, оказывается, много общих знакомых артистов.

— Это замечательно! Спасибо, друзья! Если бы не вы,

пришлось бы мне с Михалычем спорить, у кого их больше, — артистично улыбнулся Пицхелаури.

Ещё немного посидев молча, Георгий начал обшаривать свои карманы. Ничего там не найдя, кроме телефона, ключей и зажигалки, он снова задумался. Было уже непонятно, как себя с ним вести, но любопытство не спешило сдаваться.

— Вы кто по образованию? — наконец заговорил он.

— Управленец.

— Высшее?

— Незаконченное.

— Значит, полууправленец. Неплохо, — отведя в сторону взгляд, выдавил он из себя и жестом попросил друзей придвинуть пепельницу.

— Гоша, — обратился к нему один из музыкантов, — когда придет Семёнов нас прослушивать?

— Когда вы научитесь играть, — фыркнул он.

— Давай серьёзно!?

— Здесь все профессионалы, — поддержал гитариста барабанщик.

— Так, а я тогда зачем вам нужен для афиши? Скоро люди подумают, что не вы со мной фотографируетесь, а я с вами!

В какой-то момент появился Семёнов, как было несложно догадаться по всеобщей радости. Весь из себя стильный пожилой пухляш с доброй улыбкой и недовольными бегающими глазами. Дикторским голосом он объявил, что у него мало времени.

Музыканты организованно зашагали в репетиционный зал, и он энергично проследовал за ними. Георгий продолжил с нами беседу.

— Вы бы с Михалычем помогли группе раскрутиться, а то мне уже надоело.

— А как вы это делаете?

— Что я делаю? — извиваясь на стуле, он огляделся вокруг себя.

— Группу раскручиваете?

Пицхелаури исподлобья посмотрел на меня.

— Не задавайте мне таких вопросов. Откуда я знаю?

Снова нависла пауза, которую тотчас развеял Михалыч.

— Предположим, площадку возьмём под гарантию. Надо посчитать, сколько нужно напечатать афиш. Опять-таки по профсоюзам можно билеты распространить.

— Ну а что вы меня-то спрашиваете, как? — развёл руками Пицхелаури.

— И всё-таки интересно?

— Фотографируемся во дворике. Там стена со сколами солисту нравится. В интернете есть группа — посмотрите. У меня за всю фильмографию столько фотографий не набралось, сколько у него, — прищурил глаза, хихикнул Георгий.

Через некоторое время, словно граф Панин из Синода, вышел Семёнов. Президента рок-клуба облепили музыканты в ожидании резолюции. Граф был раздражён.

— Ну, такая вот у нас тема — своеобразный блюз.

— Отлично! — мотая головой, ответил Семёнов.

Музыканты радостно заёрзали.

— В самый раз для кабаков, — продолжил он.

Все переглянулись.

— Это не наш формат.

— Друзья мои! Когда-то Витя Цой мечтал в них выступать, а вы ещё ничего не сделали, чтобы рассчитывать даже на это. Я могу очень долго перечислять список баров и клубов, куда вы можете обратиться. Только вряд ли вам это поможет.

— Вообще, это дело вкуса, — заступился за них Михалыч.

Георгий отвернулся от всех вполупоборот и начал ковыряться в своём кнопочном телефоне.

— Совершенно справедливо! — возразил Семёнов. — Только наши вкусы не совпадают!

— Это другое дело.

— Естественно! — протяжно выдавил из себя он. — Вы поймите, я сейчас работаю над фестивалем «Окна открой», есть и другие перспективные проекты. Ваш ансамбль мне не интересен.

Пицхелаури перебил всех шумом аплодисментов:

— Браво!

— Это мой названный брат, — похвастался он, шёпотом наклонившись ко мне.

— Мы можем переделать материал под фестиваль, — словно цепляясь за последний шанс, утвердительным голо-

сом сказал барабанщик.

— А как вы себя продвигаете? — мне и в голову не пришло, что этим вопросом можно было выбесить всех.

— Что? — обезумел вокалист.

— Какие используете ресурсы?

Видно было, что Семёнов собирался уходить, но остановился.

— Это сейчас не важно! — прикрикнул барабанщик.

— Что вы голову морочите? — взорвался Пицхелаури. — Послушайте, что вам хотят сказать.

Ничего не оставалось, как попытаться заговорить про алгоритмы продвижения в интернете.

— Какая конверсия у вашего сайта?

— Да никакой! — ответил Георгий.

— Молодёжь ничего не понимает, только гаджеты на уме, — защищал музыкантов Михалыч.

— Вы, видимо, упустили из виду, что прошло время, когда на Невском на весь город работала одна касса. Вся бронь теперь в интернете.

— Залы по-другому собирают. Это я тебе, как знающий человек, говорю, уж поверь! — возразил Михалыч.

— Вот именно! — поддержал барабанщик. — Ногами ходить надо.

— Головой думать! — взорвался Пицхелаури.

— Молодой человек, а вы чем занимаетесь? — внимательно разглядывая меня, спросил Семёнов.

— Торты на праздники леплю и разрабатываю автоматизированную платформу — сайт для свадебного агентства.

— Хотелось бы посмотреть.

После небольшой демонстрации системы на смартфоне Семёнов протянул визитку:

— Позвони мне. А вам, господа, удачи!

Он исчез так же эффектно, как и появился полчаса назад. Grimасы музыкантов подсказали, что и мне пора уходить. Михалыч остался в их компании. Пицхелаури решил меня проводить до машины, припаркованной на Марата, — кроме того, нам было по пути.

— Я буду признателен, если вы с Михалычем поможете моим друзьям: им тяжело. Поймите, некоторые из них раньше собирали стадионы, а сейчас — несколько человек, да и те знакомые.

— Можем попробовать, но, честно, никогда этим не занимался.

— Ну и отлично! Тогда договорились!

Он без тонуca пожал мне руку, с прищуром улыбнулся и растворился в глубине Стремянной.

Творческий вечер Дундукова А. в театре «Буфф»

Сложно было думать о чём-либо другом, кроме уговора с Пицхелаури. Конечно, в этой ситуации пристёгивать себе ореол мальчика с честным словом из одноимённого рассказа Пантелеева было бы смешно. Окажись на моём месте, многие бы соблазнились на содействие, скажем, ради общения с именитым киноактёром. А ещё недавно размышлял, как проскользнуть с тортами на уровень известных людей, и перебирал в уме далёкие театральные знакомства, и вот, неожиданно, как мне показалось, подвернулся реальный шанс. Смутило то, что у Георгия с музыкантами математически ничего не складывалось, а у меня и подавно.

По большому счёту, Пицхелаури прицелился на таланты и опыт Михалыча, а меня он прихватил на слове в довесок. Георгий по-человечески пытался помочь своим приятелям, но не знал, как это сделать, потому что даже его участия было недостаточно, чтобы вытянуть группу. Меня в его подопечных с музыкальным образованием сразу же смутила небрежность. По всей видимости, это и мешало им трезво смотреть на то, что они не способны были конкурировать. Такое мнение сложилось, потому что самому довелось однажды наступить на эти грабли.

В юности один из моих попутчиков увлекался творчеством гитариста Joe Satriani и даже имел с ним внешнее сходство. У него была электрогитара, играл он почти виртуозно. После занятий в «Политехе» жизнь гитариста скользила по струнам. Это была связь традиций, так как в упомянутом институте с середины 60-х годов проводились фестивали с участием ранних советских рок-групп; в то время их ещё называли ансамблями. С ним мы познакомились на курсах парикмахеров.

Помню, как мама обрадовалась: её даже не насторожил мой выбор, видимо, она действительно отнеслась к этому серьёзно. Однако стать цирюльником не входило в мои планы, на самом деле меня тянуло в цветник. Всё просто: на курсы электриков ходят одни парни, спрашивается, а что там делать?

Гитариста потянуло на сексуальные приключения, очевидно, ещё больше, чем меня, так как после третьего курса он замахнулся на второе высшее образование. А иначе зачем будущему инженеру и экономисту курсы парикмахеров?

В первый день занятий мы с ним появились на час раньше всех. Нехотя познакомились, переживая, что сейчас ещё наберётся дюжина таких же оболтусов, но сошлись на том, что топтаться в коридоре неинтересно, и решили сгонять до ларька. Слово за слово — разговоры сошлись на музыке и поэзии, а после третьей банки пива договорились, что он попробует наложить аккорды на мои стихи, и пошли учиться.

К нашему счастью, конкурентов на курсе не прибавилось, а наш альянс добавлял каждому больше самоуверенности в массе кокетливых курсисток. Когда их внимание уже приелось, мы начали репетировать, а через некоторое время к нам присоединился барабанщик, вооружённый малым барабаном и хай-хетом. К несчастью соседей по лестничной клетке, это был шум смещения тектонических плит, в связи с чем решили мы назваться «Анархией звука».

Когда Михалыч в очередной раз заглянул в гости к отцу, ему пришлось проявить терпимость и прослушать всю эту галиматью, кустарно записанную на кассетную плёнку.

— Ты хочешь, чтобы я вам помог раскрутиться? — сдержанно уточнил он.

— Ну, хотя бы дал совет, как это сделать.

— Давай так: вы встанете в переходе у метро, а я буду смотреть, сколько людей остановится вас послушать. Потом поговорим.

Это прозвучало как оскорбление. Он ляпнул и забыл, а его слова остались шрамом от первого кумите, проигранного тщеславию, и впоследствии сдерживали от подобных излишеств. А теперь, когда Михалыч настроился взять шефство над гусярами Пицхелаури, пришло время ему это припомнить.

По себе, конечно же, других судить нельзя, тем более что у этих товарищей, в отличие от «Анархии звука», было музыкальное образование и многолетняя работа на сцене. Моё

пренебрежение не делало мне чести и могло бы даже воззвать к совести за несправедливое отношение к малознакомым людям, если бы не одно обстоятельство. Михалыч окочался последующие дни в студии. Там время от времени набивалось много любителей порассуждать о структуре и композиции, а также новаторских явлениях современности. Несколько раз и мне довелось оказаться с ним в эпицентре бессмысленных разговоров. Этого хватило, чтобы убедиться в том, что музыканты могли бы добиться большего успеха на «Ютубе» с прямыми трансляциями, взяв за основу что-нибудь вроде «Трёхсот минут секса с самим собой» Петра Мамонова. А что? Тема ёмкая, связала телемостом несколько поколений незамеченных позёров — самое то, и по содержанию неисчерпаемая.

Начать можно было бы с необратимых нравственных надрывов на фоне недолюбленной самовлюблённости. Достаточно вспомнить, что все мальчики и девочки, вопреки традиционным ценностям, пока никто не видит, грешили-таки, упражняясь в импровизации. Именно так из интимного позёрства перед зеркалом развивался самобытный артистизм, который рвался на волю. У тех, кто неистово мечтал о славе, музыка орала так, что соседи переставали здороваться, пророча родителям безнадёжное будущее. А тем временам детишкам в отражении мерещилась восторженная публика. Нечто энергетически похожее испытывали те, кто взалёб смотрели кино. Сложно встретить зрителя, который в глав-

ных героях не разглядел бы себя, — это, к слову, о том, кому труднее выйти из роли.

Впрочем, в позёрстве нет ничего плохого, если оно не мешает трезво контактировать с реальностью. Любые, даже правильные выводы так или иначе бессильны перед тем, что было заложено в детстве. Счастливы те, кому удалось сохранить эту память: им открываются некоторые закономерности, с которыми заостренному мышлению проще разобраться в себе. Однако это не у всех получается, поэтому, перешагивая от частного к общему, спотыкаешься об коллективный навик и убеждаешься в том, что чаще всего принципиальные разногласия у позёров склеивает один и тот же реагент. Как, например, в современной музыке, а если точнее — в сценическом образе. Сколько бы между собой ни конфликтовали жанры, обязательными атрибутами для всех являются перстни и увесистые цепи. Какой бы опыт ни претендовал на превалирующую эстетику, результат один — общее бессознательное. А те, кто уверен, что можно прожить осознанно без этой мишуры, лукавят. Так уж повелось ещё со времён палеолита, что на стенах должны быть изображения кумиров. А для того чтобы понять, что общего могло быть у нас с Михалычем и музыкантами, следует копнуть глубже.

Кто-то ещё помнит, другие, возможно, слышали, как в восьмидесятых и начале девяностых были в моде постеры с популярными артистами и музыкантами. Особым спросом пользовались голливудские кинозвёзды и западные му-

зыкальные исполнители. Ежедневно бросаясь в глаза, их лица уже казались сродными. Вот Арнольд Шварценеггер с прищуром смотрит на тебя с пулемётом (идеологический враг над письменным столом советского пионера), Саманта Фокс широко улыбается ПТУшникам, демонстрируя боди, обтягивающее пышную грудь, смазливые парни из Modern Talking тревожат беспокойных девчонок. Мою настенную галерею фасонировали рок-звёзды на чёрно-белых копиях. Чем меньше шансов было до них дотянуться, тем больше они становились идолами, и это то, в чём облажалась однобокая советская пропаганда, выпустившая на волю ничем не измеримые чувства и эмоции к запрещёнке.

Потом наступило время, в которое прежде никто не смог бы поверить. Зарубежные коллективы стали приезжать к нам с концертами, а Голливуд — с кинопрокатом. Сложно подобрать слова, чтобы передать ощущение первого восторга. Попробуйте вообразить масштаб московского концерта «Monsters of Rock» в 1991 году. На концерт стянулось со всей страны, по некоторой оценке, свыше полутора миллионов человек. Для сравнения: это больше населения Восточного Тимора — небольшого государства на границе с Индонезией. Это произошло после августовского путча ГКЧП. Среди выступавших групп на сцене выделялись легенды: «Metallica», «AC/DC», «Pantera».

Мне удалось побывать на концертах других групп, и скажу вам, что увидеть вживую кумиров, прежде нелегально при-

бывавших на обоях советской жилплощади, соприкоснуться взглядами, насколько позволяла дистанция партера, — это нечто необъяснимое. Те товарищи со стены долгие годы безотрывно смотрели на нас, как иконы.

Фильмы, которых мы прежде не видели, одномоментно выскользнули из подпольных салонов в домашние видеомагнитофоны. Для тех, кто ещё не мог позволить себе этой роскоши, они порционно транслировались на кабельном телевидении. Как сейчас помню, первые два увиденных: «Слепая ярость» — боевик режиссёра Филлипа Нойса с Рутгером Хауэром в главной роли, и «Инопланетянин» Стивена Спилберга. Это произошло в 1992 году. С волнением дома мы ждали старта вечернего вещания. Так и жили: что ни день, то ожидание.

Это прелюдия к тому, что Михалычу атмосфера репетиционной базы помогала выгуливать ностальгию. Она лилась, как песня про былую любовь, только прошло уже много времени, и стройная красавица из нежных лет разошлась в боках, а что ещё страшней — увлеклась одномоментно эзотерикой, психологией, православием и дзен-буддизмом, после чего была готова скандалить по любому поводу. Мне показалось, что нужно было Михалыча оберегать от излишних пенетраций в студии. Но эта забота была не о нём, а о сохранении собственных восторгов от нашего общения. Иногда ностальгия и мне мешала трезво мыслить. В один прекрасный день с ним договорились разобраться с этой ситуацией.

От площади Восстания по оживлённому Невскому проспекту мы неспешно двигались, высматривая за витринами свободные столики в кафе.

— Смотрел фильм с Джеком Николсоном «Пролетая над гнездом кукушки»? — спросил он.

— Про психиатрическую больницу?

— Нет, про бунтаря в дурдоме.

— Смотрел. И что?

— Это про меня!

— С чего ты вдруг так решил?

— Я никому не позволил взять надо мной верх, даже там.

— Михалыч, давай уже в какое-нибудь гнездо приземлимся. Расскажешь подробнее мне о борьбе за независимость.

— Думаешь, это шутки?

— Боливийцы так не думают, им тоже приходится бороться.

— Понятно, — посмеялся он. — А пойдём в пышечную на Владимирской?

— Там же всего три стола.

— Ну и что, зато у них кофе вкусный, как раньше был в Ленинграде. Давай дойдём дотуда, я тебя угощу.

— Хорошо, тогда по пути Расскажи мне, что думаешь по поводу ансамбля, которым так озадачился Пицхелаури.

— Не думаю, что им сильно озадачен.

— Это очень хорошо?

— Думаешь?

— Георгий мне отчасти понятен, хотя бы потому что мы из одного театра, а эти товарищи с момента знакомства не внушили оптимизма. А что ты, кстати, завёлся про бунтаря в дурдоме, что хотел сказать?

— На днях их барабанщик начал мне читать лекции о том, как устроена индустрия.

— Просветил?

— Чуть не подрались, я боюсь, мы не сработаемся.

— А надо ли? Смотри, у меня очень плотная занятость. Для совместных проектов с тобой и Георгием я могу выкроить время, но целенаправленно заниматься этим квинтетом и спорить с барабанщиком однозначно не готов.

— Я пока тоже к ним присматриваюсь.

— Ну понятно всё. Михалыч, предложи им тогда сыграть в переходе. Посмотрим, сколько людей остановятся их послушать.

— Вообще, это хорошая мысль.

— Рад, что ты оценил. Дарю!

— В молодости мне несколько известных рок-групп предлагали стать директором, когда они ещё только образовались.

— И что, стал?

— Нет.

— Это и пугает.

— Я тогда в театре администратором работал. Поверь, в то время для меня это было куда круче.

— А теперь?

— А теперь открыт к интересным предложениям.

— Именно это я и хотел услышать. Как думаешь, в перспективе можем организовать с Пицхелаури какую-нибудь театральную историю?

— Антрепризу?

— Да, а его вокально-инструментальный ансамбль можно в оркестровую яму посадить, чтобы публика не видела их угрюмых лиц. Если уж без них никак.

— Я деликатно пытался несколько раз это предложить, но ему это не интересно.

— Надо заинтересовать.

— Надо подумать.

— Давай мои торты продвигать?

— Как?

— Привлечём твоих знакомых знаменитостей.

— Ты хочешь рекламу?

— И это тоже, а вообще было бы классно работать на богему.

— Музыкантам предложи, — пошутил Михалыч. — Ты столько лет в театре проработал, тебе что, обратиться не к кому?

— Уже закидывал удочку актёрам, которые проводят торжественные мероприятия.

— И что?

— Без толку, у них своя мафия.

— Я подумаю, как это сделать. А почему ты вообще из театра ушёл?

— Я не уходил из театра, я забрал его с собой.

— И что же ты забрал?

— Лучшие впечатления. Ты же сам знаешь, насколько изменились взаимоотношения внутри системы. Раньше они выстраивались проще, сейчас все как будто важными стали. Хотя нет, не все. Но тем не менее, как мне кажется, большая часть.

— В этом я с тобой, пожалуй, соглашусь: дожили до того, что уже некоторые хорошо знакомые нам личности свои контрамарки продают.

— То, как комсомольцы, на которых ты намекаешь, стали капиталистами, — это отдельная история. Я считаю, мне всё-таки повезло застать пусть угасающее, но всё же чарующее настроение разных характеров, смешавшихся в творческом коллективе. Проще говоря, мы дружили: с кем-то больше, с кем-то меньше, с кем-то взглядами.

— Знаешь, сколько моих приятелей зазналось?

— Понимаю, но я о другом. Речь идёт о системе управления, которая изменила сложившийся уклад. У меня сразу же пропал интерес, потому что в театре работают не за деньги. С премией у меня иногда зарплата была больше, чем у заслуженных артистов, но для меня были первичны эмоции. Ты только вспомни ощущения, когда всё замирает после третьего звонка.

— Хочется вlepить по морде опаздывающим зрителям,
— перебил Михалыч.

— Помню: помреж в щёлку через антрактный занавес заглядывает в зал — отмашка, можно начинать. Пошло шипение дым-машины, поехал занавес, в матовом полумраке лучи софитов скрестились, как рапиры; за ними мониторы выбросили в зал оглушительную вибрацию, и ты понимаешь, что сейчас произойдёт какой-нибудь триндец: «Гондоны!» — сокрушительно разносится по службе театра.

— Да!!! — оживился Михалыч. — Сейчас тебе такую историю расскажу...

— Погоди, не перебивай!

— Ну-ну...

— Мурад Султаниязов перед спектаклем «Идеальный муж» зарядил пепельницу с сигарой на пульте помощника режиссёра. А он, сам знаешь, к табачку относился разборчиво. Короче, слушай: после первого звонка немного подвыпивший монтировщик Андрючо, убедившись, что декорации стоят на метках, прихватил сигару с пульта помощника режиссёра и ускользнул в цех. Он вольготно плюхнулся в кресло, вытащил из-под стола недопитую банку коктейля, сорвал с табачной скрутки кольцо и раскурил витолу. Слышим: Мурад кричит, топот за кулисами, истерика. Андрючо совершенно без какой-либо суеты сделал несколько глубоких затяжек и с широкой улыбкой предложил покурить стажёру. В этот момент в цех вломился Мурад Азатович — это

надо было видеть...

— При мне бы с Мурой никто шутить не осмелился, — расстроился Михалыч, — он же в отместку мог и до инфаркта застегать. Надо быть отчаянным, чтобы перейти ему дорогу.

— Да там с выпусками премьерных спектаклей настолько задолбали всех, что уже монтировщики, как команда Магеллана, потеряли берега в Тихом океане.

— Ой, ладно, там сцена маленькая, прямо перетрудились.

— А при тебе сколько монтировщиков работало?

— Двое.

— А при мне — как апостолов, двенадцать.

— Ох, ё! И что они делали?

— Воду превращали в вино.

Михалыч глубоко задумался.

Его случай больше напоминал детективную историю. Если придерживаться теории бихевиоризма, то рефлексивная должность главного администратора была тем самым чеховским ружьём, реагирующим на катализаторы, о которых можно только догадываться. В принципе, он не сделал ничего из ряда вон выходящего, поддавшись мимолётному соблазну, глядя на появление атрибутов мещанства своих работодателей. Михалыч знал, что путь в страну золота — это приблизительно сто восемьдесят извилистых шагов между супружескими кабинетами директрисы и художественного руководителя. Однажды он заблудился в джунглях «Эльдо-

радо», и в билетной кассе обнаружилась существенная недостача. Это всё, что мне было известно; об остальном пока не решался спросить.

— Михалыч, ты же знаешь, что выпуск спектаклей — это золотая жила?

— Ну да, тендеры, госзакупки. Проходили.

— Сколько при мне начали штамповать — не вспомнить. Главное другое: декорации видоизменились. Они уже не были компактными, как прежде; это стала груда металла, фанеры и хрупкого пластика, после каждого монтажа покрывающегося трещинами. Нагрузка на монтировочный цех достигла критических пределов. Дёргали по любым пустякам, и в конце концов вся группа, имея один выходной в неделю, с утра до полуночи не вылезала из театра.

— Обычно в театрах монтировщики делятся на смены. Когда я начинал монтёром, мы так и делали.

— И мы, но увы. А теперь ты представь: цех — это условно комната четыре на пять.

— Ты кому рассказываешь?

— Заговорился: монтцех был прокурен до слёз, а ещё у нас тусили осветители, артисты, звуковики, костюмеры. И в этой тесноте в скором времени внутри коллектива такое началось...

— Появились терпилы, блатные, смотрящие, — с иронией подхватил Михалыч.

— Не без этого, новеньким доставалось. Начался такой

дурдом, что словами не передать. Естественно, образовалась бесконтрольная текучка кадров. Новые сотрудники долго не задерживались, и нехватка людей привела к тому, что после дневных репетиций с тасканием из мастерских недоделанных декораций подготовка к вечернему спектаклю превратилась в марафон. Оставшаяся стойкая половина от штатного расписания одновременно заряжала две площадки — основную сцену и «Зеркальную гостиную», и там тоже нагородили зодчества из металлолома.

— Что вы с директором нормально не могли поговорить?

— Кто? Чтобы только не тревожить кабинетное спокойствие, умудрились припахать к монтажке студентов, и, если мы могли позволить себе намёки на забастовку или увольнение, старшекурсникам перед дипломом было что терять. Студенты и мы — задолбались все. На трезвую голову, без малого, никто уже не работал.

— У нас такого не было.

— У вас кто был главным художником?

— Ой, так сразу не могу сказать.

— А у нас — дочь худрука.

— Тогда всё понятно.

— А у неё тросики, петельки, колёсики и, конечно, механизмы периодически заедали. Короче, намудохались мы с недоделками, да и хрен бы с ним. Всё упиралось в двери декорационных мастерских, где была своя касса. И, конечно, из неё никто не собирался доплачивать за помощь

неуспевающим творцам. Однажды, как обычно, декорации к премьере ещё не были готовы, зрители уже сидели в зале и ждали третьего звонка. Постановочная часть с ночи, без отдыха, за кулисами помогала мастерскими, под чутким руководством главного художника, наперегонки заплаты пришивать. Я психанул и ушёл из театра, забрав с собой несколько оппозиционно настроенных коллег. Но на этом история не закончилась. Мой протест длился около двух месяцев. Когда другие ратоборцы под шквалом угроз увольнения по статье сдались гораздо раньше, мною театр был завален справками о страшных заболеваниях, полученных в результате тяжёлого ненормированного физического труда на дочкиных «премьерах». Конфликт был исчерпан, но сурового наказания избежать не удалось. Пока отсутствовал, произошла ротация, сняли всех начальников. Получилось так, что, кроме меня, никто не знал репертуар. Был, конечно же, главный хранитель «Золотого ключика» Руслан, но, перейдя в декорационные мастерские, он самоустранился и отпраповал вместо себя мою кандидатуру.

— То есть ты устроил в театре переворот?

— Почти. Не столько я, скорее, целая цепь событий. Главное, что с момента назначения на руководящую должность началась череда моих дилетантских ошибок. Были обнажены недоплаты за участие в мизансценах, выстроен график в соответствии с трудовым законодательством, сократился талмуд артикулярного списка материальной ответственно-

сти, накопившейся чуть ли не с основания театра, до двух листов (чтобы при перерасчёте денег не повесили) и полностью устранена текучка кадров.

— Мне почему-то казалось, что ты умнее, — улыбнулся Михалыч.

— Исаак Романович Штокбант то же самое сказал и добавил: «Вы не любите театр!»

— Я считаю, мне повезло, — перебил меня Михалыч, — я ещё застал лучшие времена на Народной, дом 1. Вообще, это было удивительное место, невзирая на худшее расположение для театра.

— Те спектакли, на которые ты меня водил, с нынешними не сравнить, но эти восторги лучше оставить для бездельников, рассуждающих об этике и патетике. Забавно, что во время разговора у них пенятся слюни на кончиках губ. Замечал?

— Излишний экстаз — не более чем симптом культурного бешенства.

— Больше всего мне нравилось находиться в опустевшем театре после спектакля. Уставшие артисты, только-только смывшие грим, очеловечивались. Повсюду слышались обыденные житейские разговоры. Иногда в небольших компаниях мы рассказывали друг другу интересные истории. Всё это происходило довольно спокойно, и ради таких моментов хотелось жить в театре.

— В этом я с тобой полностью согласен. В общем-то, этим

я жил.

— А ушёл я из театра из-за очередных кадровых перестановок. Случилось так, что табель о рангах между придворными и гражданскими чинами, введённый при императоре Петре, морально устарел. И дочь художественного руководителя решила упразднить классовую дистанцию, произведя своего знакомого коллежского юнкера в полковничий чин заведующего постановочной частью. Ручному карьеристу было нелегко, а нам с коллегами — ещё сложнее. Приходилось постоянно солировать стойками перед кордебалетом прожорливых богомолков. Как одного из знающих людей, директриса обязала меня взять на себя шефство над обер-форшнейдером. В её глазах читалось пренебрежение к этому товарищу, но отменить решение не представлялось возможным: на кону стояла дочкина репутация. Если бы в кулуарах общались только на языке Шекспира, то мой ответ бы прозвучал примерно так:

Увы, зачем мне этот груз забот?

Не создан я для трона, для величья.

Прошу вас, на меня не обижайтесь —

Я не могу и не хочу вам сдаться.

— Ты читал Шекспира?

— Четверостишие по случаю запомнилось. Ещё некоторое время меня держала привычка. Сам помнишь: вечерние огни под тяжестью Володарского моста, дрожащие в отраже-

нии Невы. С момента, как ты меня познакомил с этим театром, они производили на меня какой-то метафизический эффект, прочно связавший между собой множество ассоциативных эмоций. Часто оживающие призраки юности мерещились в волнении портьер, и, чем больше об этом думал, тем отчётливее осознавал, что этот театр для меня был лишь бустером усиления восторга от самого себя. Директор поручила сделать мне акустический расчёт зала в строящемся театре на Шаумяна...

— Это же слишком узкая специализация, — удивлённо уточнил Михалыч.

— Так понятно, что такое доверие предвещало только снятие с цеха премиальных надбавок. И, как в воду глядел, через месяц после моего ухода так и произошло. Трудовой кодекс во всех редакциях сожгли, зарплаты понизили. Меня не выгоняли из «Буффа»: не было смысла усугублять, когда можно было двигаться дальше, чем мог бы позволить себе стул, расшатанный ежедневными репетициями. Я решил: пусть с ним дальше возятся те, кому он достался по блату.

— У меня тоже был случай, который полностью всё перевернул. Во время совещания с художественным руководителем в кабинет ворвалась дочка и потребовала уволить актёра за то, что он ей не нравится. С одной стороны, она была ребёнком, с другой стороны, я никогда прежде не видел, чтобы дети себе позволяли такое при взрослых, особенно во время совещания.

— Давай не будем завидовать её капризам.

— Не будем, — с иронией поддержал Михалыч.

— Потом меня занесло в торговлю.

— Мне в торговле не понравилось. Ты же помнишь, я рыбой занимался?

— Это когда ты с одним несостоявшимся актёром, Каба-линым, рассыпал у меня дома на полу вяленых снетков, и вы фасовали их по пакетам?

— Это разве у тебя было?

— Мне из-за вас овчарку к батарее пришлось привязать. И что, как продвигался ваш бизнес?

— Ты знаешь, нормально. Вот только от рук воняло.

— Деньги не пахнут.

— Это у вас, менеджеров, а меня барышни неправильно понимали.

— Скажи мне, Михалыч, как ты вообще заводил дружбу с известными людьми?

— Как и ты.

— Я общался, но не дружил.

Михалыч улыбнулся:

— Я их кормил. Как-то с известными художниками на Пушкинской, 10 выпивали, меня, как самого молодого, отправили в магазин. Тогда ещё всё было огорожено высоким забором, пролезть туда — ещё умудриться. Возвращаюсь, смотрю: иностранец мёрзнет. Ну, значит, пригласил его. Выпили, разговорились, а ему две картины в студии понрави-

лись. Купил, представляешь? Мне за этого клиента ребята прилично заплатили, долларов двести. Бешеные деньги по тем временам. А ещё был случай...

— Подожди, Михалыч, ещё хотел у тебя кое-что спросить.

— Ну-ну...

— В андеграунд ты, получается, влился через театр?

— Ни разу! Я ходил на подпольные квартирники и выставки художников, пришедших на смену соцреализму, — так называемая «Новая волна». Там и знакомился с интересными людьми. Это ещё до театра было. Я, кстати, в то время, как тебя сейчас, много куда твоего папеньку водил. А он меня склонял устроиться в траловый флот. И ты знаешь, я согласился: всё-таки морякам хорошо платили, и были заграничные рейсы. Оттуда много всего интересного вывозили, что прилично стоило, между прочим, начиная с джинсы и пластинок. Я с трудом собрал необходимые документы и перед рейсом всё потерял. Представляешь? Сначала расстроился, потом принял это как знак свыше и поступил в ЛГИТ-МиК.

— Нормальный поворот. Расскажи о квартирниках?

— Что рассказывать? Вообще, квартирники называли тусовкой. Это была хорошая компания совершенно разных людей. Народ приходил послушать песни, после общались и знакомились. Странно, что всё это запрещали: ничего антисоветского там не происходило. Кстати, на таких концертах я с Кинчевым и БГ познакомился.

— А как ты о квартирниках узнавал?

— В «Сайгоне». Легендарная была кофейня на углу Невского и Владимирского, ты должен знать. Там был такой Витя Колесо, постоянно ко всем подходил: «Брат, дай несколько копеек на кофе». Потом оказалось, что он чуть ли не подпольный миллионер, — засмеялся Михалыч. — Придёшь, присоединишься к любой компании, слово за слово — как-то само собой всё происходило. А если дёрнешь «Портвейна», вообще без проблем.

— В «Сайгоне» продавали алкоголь?

— Нет, с собой приносили.

— И что, вас не выгоняли?

— Во-первых, мы это делали аккуратно. Потом ты учти, какие там люди собирались: художники, писатели, музыканты. Один Иосиф Бродский чего стоит. Он, кстати, любил кофе с коньяком.

Мы пересекали Невский проспект и двигались в ту сторону, где находилась легендарная кофейня. Михалыч, предаваясь воспоминаниям, остановился на зебре и начал прикуривать сигарету, не замечая плотного потока прохожих.

— Ты знаешь имена всех современных художников? — с надрывом спросил Михалыч.

— Нет.

— И не узнаешь, потому что каждый сам в себе. Ужасное время! Как я тоскую по молодости. Тогда, ты только представь, художники объединялись в сообщества, к ним примы-

кали артисты, музыканты и все сочувствующие борцам за современное искусство. Целое здание на Лиговке удалось отжать у государства под арт-центр. Они все — теперь очень известные люди — были одним целым. Их не город, их знала вся страна, и за границей тоже знали. А сейчас?

— Знаешь только ты, потому что в теме. Мне знакомы имена тех, кто на слуху, или тех, с кем пересекались пути.

— Хорошо, давай так! На фестивали неизвестные музыканты приводят свою группу поддержки, и, как только команда уходит со сцены, их фаны сливаются вслед за ними. У нас такого никогда не было: мы со вниманием слушали всех. Нет уважения друг к другу, нет того заразительного творческого духа, который существовал тогда.

— Может, ты просто не знаешь до конца о том, что происходит сейчас, и застрял в своём времени?

— А я что, вот прямо сейчас в другом времени живу?

Он немного помолчал, потом снова что-то рассказывал, радовался и возмущался, а мне было неуютно от собственных рассеянных мыслей.

Каждое поколение видело Невский проспект своими глазами, в меру испорченности. Меня насторожило то, что Михалыч как будто бы этого не понимал. Хотя какой там: он продолжал тараторить, забрав у меня инициативу в нашем разговоре.

— Выпили мы как-то в «Сайгоне» с очень известными актёрами (имена говорить не буду, или, давай так, когда-ни-

будь скажу). Завелись, а деньги кончились. В общем, один из них предложил заглянуть к знакомой барышне на Владимирском проспекте, занять немного. Она нам одолжила двадцать пять рублей при условии, что мы её возьмём с собой.

— Солидная сумма. Не стрёмно было у барышни спрашивать?

— А у кого ещё?

— Ладно, что дальше?

— Рядом с её домом, как раз недалеко от театра, был пивняк «Жигули».

— Тоже легендарный?

— Ты что? Да туда все ходили! Я твоего папу, так, на секундочку, там с Аликом Асадуллиным познакомил.

— Я не знаю, кто это такой.

— Ты обалдел? Народный артист Татарстана! — и, как ни в чём не бывало, Михалыч продолжил: — Так вот, сходили туда, потом вина набрали, а посидеть негде. Вспомнили, что у знакомого художника студия неподалёку. Мы тусовались у него from time to time. Приходим — на двери замок, а когда подходили, увидели приоткрытую створку окна. Решили вскарабкаться внутрь по карнизу в окно второго этажа. Посидели у него, съели, что было в холодильнике, вместо еды оставили пару бутылок «Портвейна». Утром проснулись, а хозяин так и не появился, пришлось обратно тем же манером уходить. Представляешь?

— И часто вы так без спросу к хозяевам вламывались?

— Поверь, это было нормально. Сейчас попробую тебе объяснить. Существовала негласная взаимоподдержка. Что такое вписка, знаешь?

— Квартира, где можно было бесплатно переночевать. В моё время такое тоже было.

— Да, у тех, кто путешествовал автостопом, были адреса вписок по всему Союзу. Однажды в Баку я познакомился с литовскими хиппи-националистами.

— Погоди! Как хиппи могут быть националистами?

— Могут. Они меня спросили: «Зачем такому большому союзу нужна такая маленькая Латвия?».

— Так это не национализм, а многовековые этнические разборки. Что было дальше?

У них в записной книжке, как выяснилось, был и мой телефон. Представляешь? Да, и у меня многие останавливались, без всяких проблем. А сейчас, как сказал поэт Венечка Ерофеев: «Мне с вами не о чем выпить»...

— Одно дело — вписка, другое — в окно залезть.

— Сейчас я тебе ещё расскажу...

Михалыч ещё долго не мог всплыть из глубины воспоминаний о «Сайгоне». Были потеряны все логические цепочки и смысл нашей встречи. В пышечной он громко рассказывал о своих любовницах и отказавших ему девицах, посетители краснели.

— Михалыч, ты что раздухарился? — наклонившись, тихо спросил его я.

— Не нравится мне публика за соседним столом, хочу им потрепать нервы.

— С Пицхелаури-то что будем делать?

— Я договорюсь о встрече с ним, сам у него спросишь.

— А он тебя послушает?

— Ты сдурел? Мы с ним в «Буффе» и «Бенефисе» Боярского работали, я гастроли организовывал. Сейчас доем и позвоню. Хочешь ещё кофе?

Пицхелаури не ответил.

У меня в голове всё перемешалось после нашей прогулки, тем более что, невзирая на общительность и внешнюю открытость, во мне давно сформировался патологический аутсайдер. После того как мы разбежались, почувствовал усталость. Решил вздремнуть в машине, спрятавшись в тени на той же улице Маяковской, где началась вся эта история.

В полудрёме привиделось, как мы с родителями проезжали мимо «Сайгона». Каждые выходные они водили меня в музеи. За окнами было много прохожих, особенно красивых девушек. Что-то в них притягивало. Пушкин об этом много написал, но сдержанно и с пиететом. Хотя какой там...

На углу Владимирского тусовались хиппи. И вот, значит, встретились мы взглядами с двумя мадмуазелями. Они показались красивыми. Их звали Рута и Юта. Вроде это принилось, но было совершенно, по правде. Захотелось, чтобы у будущей жены была сестра. Жене бы отдал себя, а сестре — то, что не вмещается в отношения двух капризных людей:

лишние слова.

Вот, значит, смотрел на них. Рута и Юта зашли в «Сайгон». Но не просто переступили порог — они соревновались пластикой. Запомнилась та лёгкость плеча, которая не утруждалась. Да, чёрт побери, им открывали двери. На витрине «Сайгона» висела афиша с профилем Георгия Пицхелаури, а над ней — размашистая надпись: «Творческий вечер Дундукова А. в театре „Буфф“».

Очнулся от звонка жены.

Скажи лучше ей: «Дорогая, не плачь!»

Если бы супружеские отношения имели постоянство по шкале нормальности, то в этой тематике драматургия лишилась бы шансов вхождения в мировую классику. Поэтому все те, кто выбирает мимимишные связи, должны отчётливо осознавать, какой вред из-за своей однобокости они наносят литературному и сценическому искусству, потребителями которого сами же и являются.

Моя жена мечтала стать актрисой и блистать на глянцевых обложках «Бурда Моден». Однако поступать в театральный институт не входило в её планы. Некоторое время она тёрлась в массовках кино. Видимо, убедившись в том, что великие режиссёры, уставшие от меркантильного бабского внимания, не разглядели в ней Монику Беллуччи, психанула и вышла замуж за меня.

Мы познакомились в те дни, когда режиссёр Алексей Истомин создавал свой театр, объединив вокруг этой затеи знакомых сценических работников, включая меня. Сейчас театр известен под именем графини Паниной; в самом начале назывался «Независимым театральным товариществом», а всё, что независимо-театральное, как известно, — это сборище голозадых энтузиастов.

Истоминский проект помог отвлечься от болезненного разрыва предыдущих отношений, в которых из меня лепили плюшевую кашку. Проще говоря, нужно было чем-то озадачиться, чтобы выпустить пар. Театру требовались распространители билетов, и в духе времени мы сошлись с Алексеем на принципах MLM-маркетинга. Оставалось найти энтузиастов. В один из рутинных дней её любопытство перешагнуло через порог дома культуры «Форпост», где всё это базировалось, — так мы и познакомились.

Она с самого начала полезла мне в душу, и её даже не отталкивало моё пофигистическое отношение ко всему остальному, кроме собственных амбициозных идей. Надо отдать должное её таланту манипулирования. Сколько бы мы ни говорили о делах, день за днём как-то всё закручивалось не в ту сторону. Мои мысли блуждали в тумане, поэтому рассчитать путь на несколько шагов вперёд было трудно. Она это видела, ровно как и понимала, что её аппетитам нужен другой, тем не менее настойчиво уговаривала меня довериться случаю и двигаться вперёд.

Ставки были сделаны на бюджетные организации, однако такая практика распространения билетов не увенчалась успехом: профсоюзные организаторы без интереса отнеслись к молодым неизвестным артистам. Чтобы избежать выгорания, требовался нестандартный подход, а ещё для театра лучше было бы найти влиятельных покровителей.

Театральный проект требовал широкой огласки, и, если

бы даже вся группа скинулась на рекламу, денег бы не хватило. Когда Истомин заговорил о телевидении, мне пришла в голову разухабистая идея провести несколько спектаклей в исправительных учреждениях с оповещением на федеральных каналах. Даже удалось добиться аудиенции с начальником «Крестов» из того расчёта, что у этого особого учреждения закрытого типа имелись ключи от всех дверей. Мой азарт оценили в тюрьме, Истомина, напротив, смутила эта затея, и он отказался. Видимо, он действительно не понимал, какие связи сосредоточены в этой системе. Короче, помахали мы ему рукой и занялись организацией праздников. Так покатилась наша кибитка по задворкам, спеша на праздник ко двору Людовика XIV...

Михалыч сообщил, что музыканты нас ждут на концерте и им нужна помощь в распространении билетов. После Истомина опыт подсказывал, что это не моё ремесло, но и отказ Михалычу выглядел бы не по-товарищески. Вдобавок ко всему показалось, что жене было бы интересно сходить на концерт, потому что она в последнее время сбегала к подругам, прикрываясь тем, что ей не хватает эмоций.

На углу Невского проспекта и Малой Конюшенной Михалыч зазывал молодых девушек на представление. Промоутером он оказался никудышным, а вот сноровку бабника не потерял.

— Михалыч, отвлекись, я зрителя привёл. Познакомься с моей женой.

Михалыч поцеловал ей руку и завёлся.

— Ну их! Пускай сами продают свои билеты, джазмены хреновы. Всё равно никому, кроме Пицхелаури, не нужны,
— махнул он рукой.

— Вот это поворот, а мне показалось, что ты уже их директор.

Михалыч, не обращая на меня внимания, переключился на ухаживания:

— Сударыня, вам муж рассказал, как я его с Шагиным познакомил?

— Тоже мне, познакомил: поздоровались и разошлись.

— Ты побывал у него в студии — это уже круто.

— Если ты этим хочешь очаровать сударыню, то зря. Она всё равно не знает, кто это такой.

— Это поправимо, сейчас я всё расскажу.

— Неужели вы сможете всё рассказать прямо сейчас? — посмеялась она.

— Так, скажи лучше, что мы вообще делать будем?

Михалыч посмотрел на часы:

— Так, минут двадцать у нас есть, давайте прогуляемся.

— А что с билетами?

— Скажем, что никто не купил.

— Они только для нас будут петь? — отшутилась жена.

— Если не подтянется группа поддержки. Кстати, коль заговорили про художников, надо будет как-нибудь с вами сходить на Пушкинскую, 10. К Манжаеву можем заглянуть, зна-

ете такого?

— Нет, — синхронно ответили мы.

— Да вы что? Хороший мужик. К нему публика какая-то пришла и заговорила с ним о Ленине. Генка взял том его сочинений и прибил коваными гвоздями к стене. Они удивились: мол, зачем прибил? «Это, — говорит, — не я, а вы его прибили своей болтовнёй». Такие вот люди на «Пушке».

Он решил провести для нас небольшой обзор достопримечательностей; неспешным шагом мы направились в сторону Адмиралтейства.

— Кстати, у Казанского собора во времена моей молодости тёрлись валютчики. Некоторые вместо рублей подсовывали пьяным интуристам, выходящим из ресторана, вот прямо здесь, через дорогу, югославские динары.

— Так, а что вообще с концертом? Как всё запланировано?

— Да у них изначально всё неправильно организовано. Это не наши проблемы. Честно говоря, я не хочу вмешиваться. Вот, кстати, собор Петра и Павла.

— Петрикирхе.

— Ага! Может, ещё назовёшь архитектора?

— Забыл.

— Барышня, как вы с ним живёте? Он же ничего не помнит! Будь я моложе, я бы у тебя её отбил.

— Увы и ах... Михалыч, у тебя нет шансов!

— Барышня, вы тоже так считаете?

— Я полагаю, что это неуместный вопрос.

— Подожди, Михалыч! Ты же недавно говорил, что к группе нужно присмотреться.

— Сегодня на них и посмотрим. Ты меня перебил. На чём мы остановились?

— На плохой памяти.

— В твои годы я на это не жаловался, — съязвил Михалыч, — сударыня, что вам ещё рассказать?

От подавляющего большинства пенсионеров Михалыча отличала чрезмерная активность. Чем он только не пытался себя занять, лишь бы не протирать штаны у телевизора. Михалыч соглашался на любые провокации и даже подрабатывал у бывшей жены экскурсоводом в её туристической фирме.

— Помню, как я здесь купался, — Михалыч строил глазки моей жене.

— Где? Тут кругом асфальт, — удивилась она.

— В соборе. А что так удивляет?

— В святой воде, что ли?

— Ох, молодёжь. В храме же недавно реконструкцию провели. С шестидесятых годов тут бассейн был.

— Недавно — это когда? — мне стало интересно.

— Ближе к концу девяностых.

— Не помню.

— Тебя что, сюда в детстве не водили? — уточнил он у меня.

— Когда я был ребёнком, дальше Оккервиля не заплывал. Это у меня отчётливо отложилось в памяти, потому что запомнились коряги. Мама категорически запрещала мне бассейн, говорила, что купание в стоячей хлорированной воде — это негигиенично. Кстати, прикиньте, я никогда в жизни не был в бассейне.

— А в Оккервиле гигиенично?

— Там вода проточная.

— А меня в девяностых родители ещё в тазике купали, — похихикала жена.

— Гордитесь тем, что ваш муж в это время переплыл Оккервиль. Ладно, шучу! До войны в здании был театр, а после — декорационные мастерские. Для склерозника напомню, что архитектор — Брюллов, хотя не он один. Храм из-за усадки несколько раз реконструировали.

— Сударыня, извиняюсь за нескромный вопрос, а вы петербурженка?

— Да! — гордо ответила она.

— Помните, где Пушкин дожидался секунданта?

— Дома.

— Так, понятно, — улыбнулся Михалыч.

— Ну, ты загнул, я тоже такие подробности не знаю.

— Барышне простительно, а тебя, неуча, следовало бы отлупить.

— И за что, позвольте узнать?

— За невежество! Вы мне объясните, молодёжь, как мож-

но жить в величайшем городе мира и ничего не знать?

— А зачем это знать?

— Затем, что если забудем, то уже не петербуржцы. Пришли!

— И куда вы нас привели?

— К «Литературному» кафе. Здесь, чтоб вы знали, с начала девятнадцатого века была самая популярная кондитерская Вольфа и Беранже. Сюда частенько наведывались Пушкин, Лермонтов, Достоевский, ну и другие from time to time. Отсюда поэт отправился на дуэль. Хотел вам рассказать об этом месте, вы же кондитеры. Думал, будет интересно.

— Очень интересно, спасибо вам!

— Пора возвращаться, нас ждут. Я вам сейчас про ленинградских хиппи расскажу.

— Мне кажется, история города интереснее.

— О! Я вам сейчас такую историю города расскажу — про хиппи. В семьдесят четвёртом году, я тогда был на раскопках в пустыне Каракумы...

— Какой вы интересный человек! — перебила жена.

— Я же говорю: будь моложе, отбил бы её у тебя.

— Михалыч, а ты в пустыне экскурсии проводил?

— Барышня, вы теперь понимаете неизбежность дуэли?

— Михалыч, твоё оружие — слово, продолжай дальше.

— В общем, в газете «Ленинградская правда» в колонке международных новостей написали о бесплатном концерте на Дворцовой площади с участием Карлоса Сантаны, «Бич

Бойз» и Джоанны Баез. Это были, как сейчас говорят, звёзды, но вы даже себе не представляете, какой величины, потому что считались запрещёнными в СССР. В Ленинград начали стягиваться фанаты со всей страны. Это такое же событие, как если бы в зоопарк привезли динозавров.

— А с чего вдруг такой подарок?

— Слушай! Приурочили это всё к укреплению дружбы народов в день независимости Америки.

— Отпад! Ну-ну...

— Подготовили сцену, собрался народ. А вместо концерта публику облили водой из брандспойтов, и на площади были массовые задержания и аресты.

— Теперь я понял, почему СССР развалился.

— Да, ты знаешь, спорный вопрос. И да, и нет. Лично у меня была прекрасная молодость. Мне, в отличие от вас, уж простите, есть что рассказать.

Казалось, что дальше с каждым своим словом он пытался унести нас в невероятный мир советского прошлого. Рождённому ещё при Брежневе мне кое-что из того времени было понятно; жена пыталась всё это переварить на ходу.

— А вообще, моё поколение было проще и добрее. Даже в конфликтах у нас присутствовала ирония, не то что сейчас,
— подытожил он.

Вернувшись на Малую Конюшенную, мы зашли в арку. К нам подбежал тот самый барабанщик, который предлагал заработать пять миллионов.

— Где вас черти носят? Я что ли буду заносить на этаж барабаны?

Михалыч снял пиджак и попросил меня поддержать:

— А ты, сучара, по роже получить не хочешь?

Михалыч не мог стерпеть такого оскорбления, и разразился скандал. От кровопролития ситуацию сдержала моя пассия своей растерянностью.

— Ещё одна подобная выходка, и я за себя не отвечаю! Запомни раз и навсегда: ещё не родился тот барабанщик, которому позволительно разговаривать со мной сверху вниз!

— Михалыч, не заводись.

— Вы меня простите, барышня, этот гад не оставил мне выбора. Ну ладно бы он попросил по-человечески. Сколько знаменитых людей, с которыми я приятельствовал, — ни один не позволил себе тон сверху! Нет, он у меня когда-нибудь напросится...

В качестве успокоительного средства Михалыч выбрал ухаживание за моей женой. Другой муж бы напрягся, но, скажу честно, это удобно — время от времени иметь таких друзей, когда жена угасает от скуки. Женой же овладели смешанные чувства, особенно когда со сцены громко заиграла музыка.

Семёнов был прав. Играли они хорошо, в живом исполнении можно послушать, но по сравнению с тем, что уже существовало на музыкальном олимпе, ничего нового и выдающегося не прозвучало. Да и вообще, дело не в них: мы из-

начально были неинтересны друг другу.

Когда представление закончилось, Михалыч попросил, чтобы жена меня отпустила на встречу с Пицхелаури на несколько часов. Мы отвезли её домой и встретились с артистом в кафе на Кузнечном переулке, где Георгий назначил нам аудиенцию.

Маэстро пребывал в компании старинных друзей. Увидев нас, он пересел за свободный столик и подозвал нас к себе.

— Скоро я улетаю на съёмки в Таиланд, поэтому попросил Михалыча, чтобы мы встретились сегодня.

— Ну, слушай, Гоша, мне понравилось, — затараторил Михалыч, — но барабанщик — мудака.

— Ребята отлично играют, иначе стал бы я с ними возиться. А что до барабанщика, у него такой характер. Ты тоже мудака, я же за это на тебя не обижаюсь. А вам понравилось? — уклончиво спросил он у меня.

— Нет! Видите ли, Георгий, ваши музыканты довели мою женщину до слёз.

— Что они натворили? — с интонацией крёстного отца сицилийской мафии уточнил Георгий.

Михалыч улыбнулся.

— Звучал блюз, жена всхлипывала и утирала слёзы. Ваши товарищи, глядя на неё, играли с осязательным надрывом, и она ещё сильнее плакала.

Пицхелаури изучающе смотрел на меня.

— Потом ещё ревела в машине и говорила: «Они же ко-

гда-то были известными, а теперь на них даже билеты в баре не покупают» — и задышалась от спазмов.

— Это гениально! — хлопнул в ладони Пицхелаури и загоготал на весь кабак.

— Если нужна помощь с продвижением в интернете, я готов. Полноценно заниматься группой не могу, увы: у меня очень плотная занятость, да и жену больше не хочу расстраивать. Нервная она у меня.

— Не говорите так, скажите лучше: чувствительная, — похлопал меня по плечу Пицхелаури.

— Ну, а я попробую. У меня есть кое-какие соображения, — добавил Михалыч.

— Пускай сами разбираются, — возразил киноактёр. — Почти готов материал для документального фильма про Маннергейма и балерину Мариинского театра, любовь к которой сдерживала, — он резко взмахнул рукой и, усмирив эмоцию, равнодушно продолжил, — абсолютно всё. Такая, знаете, интересная история. Как она придёт, расскажу. Если у вас, конечно же, найдётся время?

— Сейчас ничего не могу сказать, — и было бы глупо ответить иначе. Конечно же, было интересно. Глядишь, и жену бы вытащил на второй план из массовки.

Михалыч пересел к его друзьям. Не успев придвинуть стул, он тут же принялся рассказывать, как ему удалось договориться с военными лётчиками, когда был задержан рейс в аэропорту, чтобы его труппу и группу Олега Кваши передис-

лоцировали на бомбардировщике в район проведения зрелищно-массовых мероприятий.

— Кваша тогда сказал своей дирекции: «Учись у профессионала!» — хвастался Михалыч.

— Я очень надеюсь, что «Зеленоглазое такси» с вами не летело в бомболюке? — съязвил Георгий Пицхелаури.

К слову сказать, современное полуделовое поколение повернуто на коучах и мотивационной беллетристике. Люди тратят сумасшедшие деньги на саморазвитие и в большинстве остаются неспособными применить себя в тех или иных условиях. Михалыч не потратил ни одной копейки на советы о том, как добиться успеха, и не стал бы тратить время на эту дичь, и уж тем более на ролевые игры без эротической компенсации. Ещё его трясло от продаж, хоть он всё время предлагал продавать брелоки и открытки с автографами перед обсуждением какого-нибудь концерта, но и к этому относился небрежно. Корней Чуковский в своё время нечто подобное описал в мемуарах: «Вчера в „Доме Искусств“ — скандал. Бенуа восстал против картин, которые собрал для аукциона Сазонов. Бенуа забраковал конфетные изделия каких-то ублюдков — и Сазонов в ужасе: „У нас лавочка, а не выставка картин. Мы не воспитываем публику, а покупаем и продаём“. Бенуа грозит выйти в отставку»...

Многих артистов, с которыми взаимодействовал Михалыч, забавлял его напор. Он мог без приглашения зайти в любой офис с таким выражением лица, как будто его уже

ждали не первый день. Любые возражения он игнорировал на уровне надсознательной блокировки и, перескакивая с темы на тему, конкретно выносил мозг, пока с палкой не прогонишь. Но в этом случае не спешил уходить просто так. Это природа, и такому нигде не учат. Внезапно пришло озарение, что у Пицхелаури не было сформулированных идей и на музыкантов ему было пофиг: он просто хотел придержать для себя Михалыча на всякий случай. И вот, возвращаясь к упоминанию делового поколения, меня ожидал мастер-класс от авторитетного наставника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.